
СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Н. Н. КОШКАРОВА

ВАКХАНАЛИЯ БЕСПАМЯТСТВА: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК СРЕДСТВО ДИСКРЕДИТАЦИИ ПРОШЛОГО*

Статья посвящена анализу публикаций ревизионистского характера, направленных на дискредитацию событий Второй мировой войны. Такие публикации являются частью информационно-психологического противоборства, в основе которого находятся: аксиологическое противостояние социальных и политических акторов; различия в пресуппозиции во время толкования современных и исторических событий; конструирование реальности в соответствии с определенными идеологическими установками. В качестве материала для анализа использовались заявления политических организаций и отдельных лидеров Запада и Польши, основная цель которых заключается в выражении определенной позиции с одновременной реализацией несоответствия во взглядах и ценностных установках акторов политической коммуникации. Выбор материала для исследования определяет совокупность методов, применяемых для анализа эмпирической базы: с целью изучения реализации исторической политики как средства дискредитации прошлого в качестве ведущего использовался метод дискурс-анализа, применение которого сопровождалось контекстуальным изучением коммуникативных ситуаций. Дана характеристика отрицательно-оценочным средствам и тактикам, основной прагматический потенциал которых можно определить как контрфактическое модели-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 19-012-00192 «Уральский регион в военно-публицистическом дискурсе периода Великой Отечественной войны (на материале оцифрованных архивных документов СССР и стран Западной Европы)».

рование прошлого. Деструктивный характер ревизионистских теорий детерминирован их бытованием в рамках межкультурного политического пространства, когнитивно-дискурсивные характеристики которого находятся в тесной взаимосвязи с ведущей оппозицией политического дискурса «свой – чужие». Ретроспективный взгляд на историю и альтернативное моделирование прошлого стали настолько популярными инструментами изучения и анализа исторических событий, что порой трудно провести границу между ретропрогнозом как жанром политической коммуникации и фальсификацией как средством дискредитации прошлого. В таком случае целесообразным является обращение к исторической политике, одним из показателей активизации которой является противодействие ревизионистским теориям, попыткам фальсифицировать историю, сознательному искажению исторических событий. Масштабы гибридных операций, которые ведутся в современном политическом и массмедийном поле, настолько велики, а их последствия настолько непредсказуемы, что протекция национальных интересов должна стать основной задачей специалистов различного профиля (политологов, философов, лингвистов) и рядовых граждан.

***Ключевые слова:** Вторая мировая война, историческая политика, дискредитация прошлого, фальсификация истории, ревизионизм, жанр, оппозиция «свой – чужой», политический дискурс.*

Введение

Отмеченное в прошлом году 75-летие Победы в Великой отечественной войне инспирировало волну ревизионистских и дискредитирующих прошлое высказываний целого ряда стран и западных политиков, имеющих целью провоцирование «конфликтов на территории России», искажение «ее истории, духовно-нравственных ценностей, влияя на общественное сознание» (Сковородников 2017: 15–16). Подобные теории всегда являются частью информационно-психологической войны, включающей целый комплекс мер деструктивного характера, в том числе коммуникативные ресурсы, используемые «субъектом в информационном пространстве посредством любых доступных каналов связи с целью обеспечения себе информационного превосходства и коррекции сознания адресата» (Зырянов 2017: 98). Информационно-психологическое противоборство, имплементирующее широкий арсенал средств (от поли-

тических и правовых механизмов до лингвистических инструментов), в определенном смысле может трактоваться как гибридная война, способы ведения которой в последнее время модифицируются, а в ее основе находятся аксиологическое противостояние социальных и политических акторов; различия в пресуппозиции во время толкования современных и исторических событий; конструирование реальности в соответствии с определенными идеологическими установками.

В этой связи важной представляется задача корректной интерпретации текстов, функционирующих в пространстве информационно-психологического противостояния в целом и политического дискурса в частности. Масштабы гибридных операций, которые ведутся в современном политическом и массмедийном поле, настолько велики, а их последствия настолько непредсказуемы, что протекция национальных интересов должна стать основной задачей как специалистов различного профиля (политологов, философов, лингвистов), так и рядовых граждан. Корректное осмысление механизмов и средств, применяемых в ходе гибридной войны, представляется важным и перспективным с той точки зрения, что когнитивно-дискурсивная парадигма как одна из исследовательских траекторий анализа информационного и психологического противоборства (Кушнерук 2019) задействует те же механизмы, что и когнитивное моделирование как технология указанного типа противостояния. Г. Н. Нурышев полагает, что когнитивное моделирование направлено на «переформатирование сознания», и в качестве примера такой информационно-психологической операции рассматривает фальсификацию истории Великой Отечественной войны, «ядра сакральной исторической матрицы России» (Нурышев 2017: 69). Действительно, сообщения ложного и клеветнического характера, функционирующие в рамках более широкого феномена постправды и имеющие своей целью пересмотреть итоги Второй мировой войны, транслируют определенные аксиологические установки и через продуцируемые тексты оказывают планируемое речевое воздействие на целевую аудиторию.

Поставленная цель достигается путем ряда приемов и средств, используемых авторами текстов, создаваемых в рамках политического и массмедийного дискурсов, испытывающих на себе влияние информационно-психологической войны. Л. А. Гаврилов подразделяет тексты, относящиеся к политическому дискурсу, на две группы:

1) тексты, в которых «субъект речи и адресат отходят на второй план либо даже вовсе отсутствуют» (в них доминирует референтный элемент);

2) тексты, в «которых доминирующее положение занимают отношение адресанта к референту и оценка сообщаемых сведений» (адресант является выразителем интересов определенной социальной группы) (Гаврилов 2019: 27).

Не вызывает сомнения тот факт, что в рамках гибридной войны эксплуатируются оба вида текстов. Однако при внедрении в сознание людей определенных установок в первую очередь когнитивно-дискурсивной интерпретации необходимо подвергнуть тексты, созданные от лица определенного политического института (государства, политической партии, политического направления) или государственного лидера и нацеленные как на коллективного пользователя, так и на индивидуального потребителя информации.

Материал и методы исследования

В качестве таких текстов мы рассматриваем заявления политических организаций и отдельных лидеров Запада и Польши, основной прагматический потенциал которых можно определить как выражение определенной позиции с одновременной реализацией несоответствия во взглядах и ценностных установках акторов политической коммуникации. В свою очередь, заявления политических лидеров – как жанр политического дискурса – отражаются в различных жанровых формах массмедийного дискурса, таких как новостные СМИ и твиттинг. Новости как жанр массмедийного дискурса сообщают читателю новую информацию, которую можно подразделять на фактологическую, вероятностную, превентивную, оценочную, нормативную и программную (Тертычный 2014).

Твиттинг также «рассматривается как мощный *альтернативный* (выделено нами. – *Н. К.*) источник информации, как средство получения и распространения информации, что особенно важно в период проведения предвыборных кампаний» (Горошко, Полякова 2014: 242). Однако, как будет показано в ходе анализа, в процессе информационно-психологической войны происходит взаимное переплетение жанровых форм и их разновидностей, а функциональные особенности одного жанра экстраполируются на реализуемые в том или ином типе дискурса возможности другого жанра.

Выбор материала для исследования оказывается определяющим для совокупности методов, применяемых при анализе эмпирической базы: с целью изучения реализации исторической политики как средства дискредитации прошлого в качестве ведущего использовался метод дискурс-анализа, применение которого сопровождалось контекстуальным изучением коммуникативных ситуаций. Дискурс-анализ представляется наиболее релевантным методом изучения манипулятивного потенциала текстов, функционирующих в межкультурном политическом пространстве, так как в ходе применения данной технологии «анализируются тексты, которые содержат разделяемые неким коллективом убеждения, порождают либо усиливают их и предполагают ту или иную позицию в дискурсном поле» (Шевченко 2002: 18). Контекстуальный анализ позволяет учитывать экстралингвистические условия и обстоятельства: статусные роли участников коммуникации, широкий социальный и исторический контекст, хронотоп и пр.

Историческая политика

История, как гласит известная максима, является той областью гуманитарного знания, которая не терпит сослагательного наклонения. Ретроспективный взгляд на историю и альтернативное моделирование прошлого стали настолько популярными инструментами изучения и анализа исторических событий, что порой трудно провести границу между ретропрогнозом как жанром политической коммуникации и фальсификацией как средством дискредитации прошлого. В таком случае целесообразным является обраще-

ние к исторической политике, к которой М. В. Кирчанов относит «как совокупность интеллектуальных практик профессиональных исторических сообществ, так и политические меры, направленные на работу с исторической памятью в контексте забывания и замалчивания, или, наоборот, актуализации тех или иных исторических фактов, интерпретированных в соответствии, как с современным уровнем развития исторического знания, так и в контексте политического и общественного запроса» (Кирчанов 2016: 75).

В соответствии с приведенным определением, историческая политика тесным образом связана с идеологизацией и политизацией истории, интерпретацией прошлого через актуализацию ценностных приоритетов и идеалов. Подобный ракурс трактовки исторической политики репрезентирован в дефиниции анализируемого феномена, предложенной А. Б. Страховым: «..это комплекс принимаемых официальными властями того или иного государства мер по утверждению в общественном сознании доминирующего взгляда на историю своего государства в общем и утверждению определенной точки зрения на те или иные исторические события в частности» (Страхов 2017: 24). Однако данное определение не в полной мере отражает функциональную составляющую исторической политики, которая является мощным инструментом формирования как внутри-, так и внешнеполитической повестки государства.

Термин *историческая политика* (*Geschichtspolitik*) впервые появился в Германии в 1980-х гг., когда возник спор о причинах возникновения нацизма и о Второй мировой войне. Этот спор не утихает и по сей день (см., например: Caramani, Manucci 2019). В начале XXI в. в попытках противодействия искажениям национальной истории термин *Geschichtspolitik* стал активно использоваться польскими историками (см., например: Rawski 2019), а затем – и представителями других восточноевропейских стран. В России одним из показателей активизации исторической политики является противодействие ревизионистским теориям, попыткам фальсифицировать историю, сознательному искажению исторических событий.

Как история служит политическим целям

История как область гуманитарного знания является также аксиологически маркированным феноменом. Знаковые для той или иной нации события выступают в ценностном и культурном пространстве определенного национального сообщества идеологемами, то есть способами «познания мира, ценностной ориентации и мотивационно-прагматической активности личности, этноса и социума в мире, отображенных в языковых знаках» (Радбиль 2017: 65). Великая Отечественная война является той идеологемой для России и большинства бывших союзных республик, культурные, семантические и прагматические пресуппозиции которой в равной степени декодируются и интерпретируются лингвокультурным сообществом. Идеологема, как справедливо указывает Е. Г. Малышева, будучи ментальной единицей, характеризуется «национальной специфичностью, динамичностью семантики, повышенной аксиологичностью, частотностью и разнообразием способов репрезентации знаками различных семиотических систем» (Малышева 2009: 35).

Однако в последнее время культурно значимая составляющая этой идеологемы подвергается редукции и фальсификации в угоду конкретным политическим целям, когда «определяющее значение получает идеологическое разделение на свое и чужое, лежащее в основе множественности интерпретаций действительности» (Чернявская, Молодыхенко 2014: 12). Переформатирование исторического прошлого детерминировано как идеологической установкой в целом, так и индивидуально-авторской интерпретацией действительности. При этом конструируется новая реальность, которая обнаруживает «поливалентность смыслов и вариативность рассказывания» (Бушмакина 2009: 31).

Таким образом, мы становимся очевидцами ситуации, когда исторические факты в значительной мере отличаются от реальности, созданной акторами политической коммуникации с помощью определенного набора речевых и языковых средств, изучение которых находится в исследовательском фокусе данной статьи. Одним из активно используемых приемов, входящих в аксиологическое пространство ревизионистских теорий и применяемых с целью дис-

кредитации исторического прошлого, является словосочетание *равная ответственность*. Термин был заимствован из юридического дискурса, где он развивает синонимический ряд: коллективная ответственность, одинаковая ответственность. В англоязычном политическом дискурсе идея равной ответственности Советского Союза и Германии за развязывание Второй мировой войны актуализируется через следующие тактики (наиболее выпукло проявленные в уже ставшей знаменитой резолюции Европарламента от 19.09.2019 г.):

- тактику постановки в единый ряд двух разнородных явлений, когда Советский Союз и нацистская Германия характеризуются как тоталитарные режимы¹;

- тактику создания особого «модуса формулирования исторического текста, в котором содержательная сторона подчинена ценностной» (Чернявская, Молодыхенко 2014: 156), когда исторические события фальсифицируются и создается реконструированный вариант²;

¹ “Recalls that the Nazi and communist regimes carried out mass murders, genocide and deportations and caused a loss of life and freedom in the 20th century on a scale unseen in human history, and recalls the horrific crime of the Holocaust perpetrated by the Nazi regime; condemns in the strongest terms the acts of aggression, crimes against humanity and mass human rights violations perpetrated by the Nazi, communist and other totalitarian regimes” (European... 2019). Предлагаемый нами перевод: Европарламент «напоминает, что нацистский и коммунистический режимы совершали массовые убийства, геноцид и депортации и стали причиной гибели людей и свободы в XX в. в масштабах, невиданных в истории человечества, и напоминает об ужасном преступлении холокоста, совершенном нацистским режимом; самым решительным образом осуждает акты агрессии, преступления против человечества и массовые нарушения прав человека, совершенные нацистским, коммунистическим и другими тоталитарными режимами».

² “Stresses that the Second World War, the most devastating war in Europe’s history, was started as an immediate result of the notorious Nazi-Soviet Treaty on Non-Aggression of 23 August 1939, also known as the Molotov-Ribbentrop Pact, and its secret protocols, whereby two totalitarian regimes that shared the goal of world conquest divided Europe into two zones of influence” (Ibid.). Предлагаемый нами перевод: Европарламент «подчеркивает, что Вторая мировая война, самая разрушительная война в истории Европы, началась как непосредственный результат печально известного нацистско-советского Договора о ненападении от 23 августа

- тактику дискредитации политического оппонента через апелляцию к широкому историческому контексту³.

Приведенные фрагменты из принятой 19 сентября 2019 г. резолюции Европарламента – это яркий пример того, как создается одностороннее видение истории с одновременной негативно-оценочной характеристикой жертвы указанных событий и пейоративной стилистикой текста. В своей статье от 19 июня 2020 г. «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим» В. В. Путин назвал эту резолюцию «бумагой» и указал, что, преследуя свои цели, наши партнеры «наращивают против нашей страны количество и масштаб информационных атак, хотят заставить оправдываться, испытывать чувство вины, принимают насквозь лицемерные политизированные декларации» (Путин 2020).

За несколько лет до принятия этой скандальной резолюции в польской газете *Nasz Dziennik* 22 июня 2011 г. вышла статья под

1939 г., также известного как пакт Молотова – Риббентропа, и секретных протоколов к нему, в результате чего два тоталитарных режима, преследующих цель завоевания мира, разделили Европу на две зоны влияния».

³ “*Maintains that Russia remains the greatest victim of communist totalitarianism and that its development into a democratic state will be impeded as long as the government, the political elite and political propaganda continue to whitewash communist crimes and glorify the Soviet totalitarian regime; calls, therefore, on Russian society to come to terms with its tragic past; Is deeply concerned about the efforts of the current Russian leadership to distort historical facts and whitewash crimes committed by the Soviet totalitarian regime and considers them a dangerous component of the information war waged against democratic Europe that aims to divide Europe, and therefore calls on the Commission to decisively counteract these efforts*” (European... 2019). Предлагаемый нами перевод: Европарламент «утверждает, что Россия остается величайшей жертвой коммунистического тоталитаризма и что ее развитию в демократическое государство будут препятствовать до тех пор, пока правительство, политическая элита и политическая пропаганда будут продолжать обелять коммунистические преступления и прославлять советский тоталитарный режим; поэтому призывает российское общество смириться со своим трагическим прошлым». Европарламент «глубоко обеспокоен усилиями нынешнего российского руководства по искажению исторических фактов и обелению преступлений, совершенных советским тоталитарным режимом, и считает их опасным компонентом информационной войны, ведущейся против демократической Европы и направленной на разделение Европы, и поэтому призывает Комиссию решительно противодействовать этим усилиям».

заголовком “*O rpanowanie nad Europa*” – «Борьба за господство над Европой», в которой автор также прибегает к стратегии обвинения Советского Союза в развязывании Второй мировой войны⁴. При этом автор продвигает идею равной ответственности с использованием тактики включения в единую модусную категорию исторических акторов, преследующих в упомянутых событиях диаметрально противоположные цели. Демонизация образа исторического деятеля контекстуально поддерживается путем создания контрфактической истории и авторской интерпретацией произошедших событий⁵. Термин *равная (одинаковая) ответственность* употреблен в акцентирующем авторском послые текстовой позиции – в конце статьи⁶. И характерно, что спустя десятилетие после опубликования указанной статьи именно идея *равной ответственности* СССР и Германии вновь вышла на авансцену польского исторического нарратива, причем уже на высшем политическом уровне.

⁴ «70 lat temu, 22 czerwca 1941 roku, Niemcy, zwane wówczas III Rzeszą, rozpoczęły wojnę z Rosją, zwaną wtedy Związkiem Sowieckim. To nie tylko jedna najważniejszych dat w II wojnie światowej, ale jedna z najważniejszych w XX wieku, a nawet w dziejach powszechnych. Dwaj totalitarni bandyci, mordercy i ludobójcy, dotychczasowi sojusznicy Hitler i Stalin, rozpoczęli wojnę pomiędzy sobą. Wojna toczyła się dosłownie na śmierć i życie jednego albo drugiego dyktatora. Dla dwóch jednocześnie nie było miejsca w Europie» (Szaniawski 2011). Перевод из «ИноСМИ»: «70 лет назад, 22 июня 1941 г., Германия, называвшаяся тогда Третьим рейхом, начала войну с Россией, называвшейся тогда Советским Союзом. Это одна из важнейших дат не только Второй мировой войны, но всего XX века и даже всеобщей истории. Два тоталитарных преступника, убийцы и палача, прежние союзники – Сталин и Гитлер – начали войну друг с другом. Война дословно велась не на жизнь, а на смерть одного или второго диктатора. Для обоих одновременно места в Европе не было» (Шанявский 2011).

⁵ Автор воспроизводит тезис, уже фактически ставший шаблонным: “*Plan Stalina zakładał w pierwszej fazie wspólną agresję Rosji i Niemiec na Polskę, a następnie podział Europy na strefy wpływów pomiędzy III Rzeszę a ZSRS*” (Szaniawski 2020). Перевод из «ИноСМИ»: «Первая фаза сталинского плана предполагала совместное нападение России и Германии на Польшу, за которым бы последовал раздел Европы на сферы влияния Третьего рейха и СССР» (Шанявский 2011).

⁶ “*Dwaj totalitarni bandyci, Adolf Hitler i Józef Stalin, ponoszą jednakową odpowiedzialność za wybuch II wojny światowej*” (Szaniawski 2020). Перевод из «ИноСМИ»: «Два тоталитарных преступника, Адольф Гитлер и Иосиф Сталин, несут равную ответственность за развязывание Второй мировой войны» (Там же).

9 января 2020 г. Сейм Польши принял резолюцию, в которой утверждается, что СССР и нацистская Германия несут *равную ответственность* за начало Второй мировой войны⁷. В тексте резолюции есть яркие примеры использования тактики осуждения. В своих предыдущих работах мы указывали, что тактика осуждения – это частный случай реализации тактики обвинения, и применяется она тогда, когда участники процесса политической коммуникации принадлежат к одной национальной культуре (Кошкарова 2015). Однако жанрово-стилистический компонент политической коммуникации не является застывшей структурой, что отражается на коммуникативно-прагматических характеристиках стратегий и тактик при их реализации в межкультурном политическом пространстве. Тактика осуждения приобретает конфликтогенный потенциал и в рамках концептуальной оппозиции политического дискурса «свой – чужой»⁸.

Действительно, оценка исторического прошлого (в контексте или независимо от современной геополитической ситуации) не

⁷ В документе говорится: “...do wybuchu II wojny światowej doprowadziły dwa ówczesne mocarstwa totalitarne: hitlerowskie Niemcy i stalinowski Związek Sowiecki, a po zawarciu 23 sierpnia 1939 r. w Moskwie haniebnego paktu Ribbentrop – Mołotow pierwszymi ofiarami obu totalitaryzmów były Polska i państwa Europy Środkowo-Wschodniej” (Sejm... 2020). Перевод, предлагаемый на официальном сайте польского правительства: «...к началу Второй мировой войны привели две тогдашние тоталитарные державы: нацистская Германия и сталинский Советский Союз, а после заключения позорного Пакта Риббентропа – Молотова 23 августа 1939 года первыми жертвами обоих тоталитарных режимов стали Польша и страны Центральной и Восточной Европы» (Сейм... 2020).

⁸ В цитируемом выше документе есть яркий тому пример: “Sejm Rzeczypospolitej Polskiej potępia prowokacyjne i niezgodne z prawdą wypowiedzi przedstawicieli najwyższych władz Federacji Rosyjskiej próbujących obciążać Polskę odpowiedzialnością za wybuch II wojny światowej. Wielkość narodu oraz stosunków między państwami nie można budować na kłamstwie i fałszowaniu historii” (Sejm... 2020). Перевод, предлагаемый на официальном сайте польского правительства: «...Сейм Республики Польша осуждает провокационные и не соответствующие правде заявления представителей высших органов власти Российской Федерации, пытающихся возложить на Польшу ответственность за начало Второй мировой войны. Величие нации и отношения между государствами нельзя построить на лжи и фальсификации истории» (Сейм... 2020).

может строиться на домыслах и ревизионистских основаниях. Об этом в своих комментариях заявили представители российских властных структур. Так, официальный представитель МИД РФ Мария Захарова в своем посте на *Facebook* написала: «*Такое впечатление, что, как и во времена инквизиции, наука объявлена польским Сеймом ересью, а сторонники исторических фактов обвинены им в колдовстве. Вот так идеология побеждает правду*»⁹. В данном случае М. Захарова выступает не только как официальный представитель Министерства иностранных дел, но и как информационно-медийная языковая личность. Особенности такой личности «могут варьироваться и оказывают воздействие на медиапространство, а также могут сами являться объектом его воздействия под влиянием субъективных и объективных лингвистических и экстралингвистических факторов» (Болотнов 2017: 177).

В качестве таких экстралингвистических факторов выступают попытки мифологизировать историю и дискредитировать образ той или иной страны, что в комментарии как жанре межкультурного политического диалога не может не влиять на эмоциональную оценку действий противоположной стороны. Так, вице-спикер Государственной Думы РФ, руководитель фракции «Единая Россия» Сергей Неверов назвал резолюцию польского Сейма «вопиющим цинизмом и ужасающей попыткой переписать историю с игнорированием данных исторических источников» и обвинил законодательный орган Польши в «преступлении в отношении жертв фашизма и тех, кто воевал с этим злом» (цит. по: Антонов 2020).

В данном случае использование тактики обвинения продиктовано принципиальными различиями в идеологических и аксиологических установках акторов политической коммуникации, что влияет на оценку исторических событий. Так, влияние дифференцированной национально-политической направленности можно наблюдать в случае обвинения оппонента в нарушении международно-правовых норм. Например, Польша обвинила Россию в при-

⁹ Мария Захарова, официальная страница *Facebook*. 2020. URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167>. См. также: URL: <https://www.facebook.com/ourUSSR/posts/2667552799998835/09.01> (дата обращения: 20.06.2021).

своении ряда произведений искусства посредством публикации 18 января 2020 г. в *Twitter*-аккаунте Министерства иностранных дел Польши сообщения, созвучного в тональности с заявлениями Сейма¹⁰. В данном случае *Twitter* как жанр компьютерно-опосредованной коммуникации во всей полноте реализует воздействующую функцию, присущую ему в рамках политического дискурса, особо выделяемую Д. С. Сергеевой (2017).

Политический твиттинг является виртуальной площадкой информационно-психологического противостояния, на что указывает и нарушение пресуппозиции высказывания («*войска НКВД реквизируют произведения искусства*»), и графическая репрезентация (уничжительное использование символа российского флага вместо полного названия страны).

В ответ на подобное заявление последовал комментарий эксперта – президента Государственного музея изобразительных искусств имени Пушкина И. А. Антоновой: «Я не слыхала о каких-то претензиях Польши к России по поводу наследия, якобы ею утраченного. Не знаю этого. Дело в том, что работ, например, с сюжетом “мадонна с младенцем” даже одного и того же автора очень много. Имя автора и название картины – это не исчерпывающая информация. В случае претензий Польши оттуда в Россию должно быть достоверное адресное обращение – какая именно картина и какого автора, из какого польского музея пропала и в каком русском музее, по мнению Польши, оказалась. Пока права Польши на картины в России заявлены совершенно голословно. Это заявление рассчитано на людей, которые не понимают тонкостей. Конечно, Варшаве надо представить доказательства утраты. Откуда поляки вообще это взяли? Они делали запросы в Россию раньше? Им отка-

¹⁰ В сообщении, опубликованном МИД РП в Твиттере, говорится: “*Oddziały NKWD rekwirowały dzieła sztuki - wiele z nich do dziś znajduje się w Armia Czerwona i NKWD w wielu wypadkach niszczyły i konfiskowały to, czego nie udało się zrabować lub spalić Niemcom*” (*Twitter*-аккаунт Министерства иностранных дел Польши. URL: https://twitter.com/MSZ_RP/status/1218442672291110912 (дата обращения: 22.01.2020). Предлагаемый нами перевод: «...войска НКВД конфисковали произведения искусства – многие из них все еще находятся в Красной Армии, а НКВД во многих случаях уничтожало и конфисковало то, что немцы не могли грабить или сжечь»).

зывали? Если у Польши есть какая-то информация, она должна сделать соответствующий запрос с исчерпывающей информацией в Министерство культуры РФ или правительство нашей страны, а потом что-либо заявлять» (цит. по: Болдырева 2020).

В данном случае комментарий эксперта не только констатирует факты и дает эмоциональную оценку действительности, но и прогнозирует возможное развитие событий за счет модальной семантики высказывания и вплетения в текстовую ткань риторических вопросов. Как и в предыдущем речевом примере, во многих случаях тактика обвинения может выражаться имплицитно и выводиться из общей риторики того или иного жанра. Так, в статье польского премьер-министра М. Моравецкого, опубликованной в международном издании *Politico* 21 января 2020 г., находим случаи обвинения Советского Союза в развязывании Второй мировой войны. При этом М. Моравецкий¹¹ использует:

- сравнение с нацистской Германией¹²;
- отрицательно-оценочные номинации¹³;
- агрессивный прагматический потенциал тактики упрека¹⁴.

¹¹ Далее цитирование М. Моравецкого приводится по его англоязычной публикации в *Politico*: (Morawieck 2020).

¹² “*Far from being a “liberator”, the Soviet Union was a facilitator of Nazi Germany and a perpetrator of crimes of its own – before and after the liberation of Auschwitz*”. Предлагаемый нами перевод: «...Советский Союз не был “освободителем”, он был пособником нацистской Германии и виновником собственных преступлений – до и после освобождения Освенцима». Отметим характерную деталь: премьер-министр Польши использует узнаваемое англоязычным читателем немецкое наименование топонима Auschwitz, но не родное, польское – Oświęcim.

¹³ “*Soviet occupation, which was to last for another 45 years, cost millions of lives and robbed Poland and Central Europe of their independence and chance for normal economic development*”. Предлагаемый нами перевод: «...советская оккупация, продлившаяся еще 45 лет, унесла миллионы жизней и лишила Польшу и Центральную Европу их независимости и шанса на нормальное экономическое развитие».

¹⁴ “*And while the Red Army did eventually liberate Auschwitz, the camp could have been liberated half a year earlier. In the summer of 1944, the Soviet army stood 200 kilometers from Auschwitz, but the offensive was halted, allowing the Germans time to retreat and organize death marches until January 1945. Rescuing Jews was never a priority for Stalin and the Red Army*”. Предлагаемый нами перевод: «...И хотя Красная Армия в конце концов освободила Освенцим, лагерь мог быть освобожден на полгода раньше. Летом 1944 г. Советская армия стояла в 200 километрах от Ос-

Очевидно, что жанрово-стилистическая интенция в рамках используемых польским политиком контекстов повторяет риторику скандальной резолюции Европарламента. Западная и польская историческая политика таковы, что ее создатели конструируют симулякры о Второй мировой войне, упорно игнорируя доступные архивные документы, вытравливают из памяти реальные свидетельства произошедших событий, дорисовывают произвольные, мотивированные лишь собственным политическим интересом штрихи к картине мира – изображая ее такой, какой хотят ее видеть именно они.

В Послании Федеральному Собранию 15 января 2020 г. президент России В. В. Путин сказал: *«Мы обязаны защитить правду о Победе, иначе что скажем нашим детям, если ложь, как зараза, будет расползаться по всему миру? Наглому вранью, попыткам переиначить историю мы должны противопоставить факты»* (Послание... 2020; курсив мой. – Н. К.). Действительно, только факты могут стать мощным контраргументом в информационно-психологической войне, направленной на дискредитацию прошлого и фальсификацию истории.

Заключение

Таким образом, в результате анализа средств дискредитации исторического прошлого можно сделать вывод о том, что активно эксплуатируемая идея равной ответственности Германии и Советского Союза за события Второй мировой войны реализуется через отрицательно-оценочные средства и тактики, основной прагматический потенциал которых можно определить как контрфактическое моделирование прошлого. Деструктивный характер подобных высказываний детерминирован их бытованием в рамках межкультурного политического пространства, когнитивно-дискурсивные характеристики которого находятся в тесной взаимосвязи с ведущей оппозицией политического дискурса «свои – чужие». При этом неумение хранить память и чтить подвиги настоящих героев умело подстраивается под текущие политические цели.

венцима, но наступление было остановлено, что дало немцам время для отступления и организации маршей смерти до января 1945 г. Спасение евреев никогда не было приоритетом для Сталина и Красной армии».

Литература

Антонов, А. 2020. Неверов обвинил Польшу в неуважении к жертвам концлагерей. *Взгляд. Деловая газета* 9 января. URL: <https://vz.ru/news/2020/1/9/1017383.html> (дата обращения: 20.06.2021).

Болдырева, О. 2020. Антонова возмутилась претензиями Польши на картины в российских музеях. *Национальная служба новостей (НСН)* 18 января. URL: <https://nsn.fm/policy/antonova-vozmutilas-pretenziyami-polshi-na-kartiny-v-rossiiskih-muzeyah> (дата обращения: 20.06.2021)

Болотнов, А. В. 2017. Когнитивные стили информационно-медийных личностей разных типов и их отражение в текстовой деятельности. В: Болотнова Н. С. (ред.), *Языковая личность и медиасреда: коммуникативно-когнитивные аспекты взаимодействия*: коллективная монография. Томск: Томский центр научно-технической информации. С. 166–177.

Бушмакина, О. Н. 2009. Конструирование социальной реальности в структурах памяти. *Ежегодник финно-угорских исследований* 1: 26–32.

Гаврилов, Л. А. 2019. Политический дискурс в условиях информационно-психологической войны. *Лингвистика информационно-психологической войны*. Кн. 2. Красноярск: Сибирский федеральный университет. С. 24–36.

Горошко, Е. И., Полякова, Т. Л. 2014. Интернет-жанр твиттинг как предмет исследования нового направления интернет-лингвистики – виртуального жанроведения. В: Пастухов А. Г., (отв. ред.), *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе*: межвузовский сб. науч. тр. Орел. С. 238–249.

Зырянов, М. С. 2017. Лингвистические средства реализации информационно-психологической войны. *Язык и культура. Сборник статей XXVII Международной научной конференции (26–28 октября 2016 г.)*. Томск: ТГУ. С. 97–102.

Кирчанов, М. В. 2016. Приручение прошлого: историческая политика и политика памяти (европейский исторический опыт и латиноамериканские контексты). *Политические изменения в Латинской Америке* 3(21): 73–86.

Кошкарлова, Н. Н. 2015. *Конфликтный и кооперативный типы русскоязычного дискурса в межкультурном политическом пространстве*: дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет». 441 с.

Кушнерук, С. Л. 2019. Траектории исследования информационно-психологической войны в российской лингвистике. *Политическая лингвистика* 6(78): 12–22.

Мальшева, Е. Г. 2009. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация. *Политическая лингвистика* 4(30): 32–40.

Нурьшев, Н. Г. 2017. Информационно-психологические операции в системе гибридных войн. *Геополитика и безопасность* 2: 65–73.

Послание Президента Федеральному Собранию. *Официальный сайт Президента России*. 2020. 15 января. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 20.06.2021).

Путин, В. В. 2020. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим. *Официальный сайт Президента России* 19 июня. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63527> (дата обращения: 20.06.2021).

Радбиль, Т. Б. 2017. *Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения*. М.: Изд. дом «ЯСК». 592 с.

Сейм против манипулирования и обмана истории политиками Российской Федерации. Резолюция Палаты. 2020. *Gov.pl* 9 января. URL: <https://www.gov.pl/web/rossija/>----- (дата обращения: 20.06.2021).

Сергеева, Д. С. 2017. Формирование имиджа политика в современном информационном пространстве (на материале данных соцсети «Твиттер»). *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки* 4: 124–131.

Сквородников, А. П. (ред.) 2017. *Лингвистика информационно-психологической войны*: в 2 кн. Кн. 1. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т. 340 с.

Страхов, А. Б. 2017. Историческая политика: опыт теоретического осмысления. *Тетради по консерватизму* 3: 22–29.

Тертычный, А. А. 2014. *Жанры периодической печати*: учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс. 350 с.

Чернявская, В. Е., Молодыхенко, Е. Н. 2014. *История в дискурсе политики: лингвистический образ «своих» и «чужих»*. М.: Ленанд; УРСС. 200 с.

Шанявский, Ю. 2011. СССР и Германия: борьба за господство над Европой. *ИноСМИ.ру*; *Россия сегодня* 22 июня. URL: <https://inosmi.ru/history/20110622/171052407.html> (дата обращения: 20.06.2021).

Шевченко, А. Ю. 2002. Дискурс-анализ политических медиа-текстов. *Полис. Политические исследования* 6: 18–23.

Caramani, D., Manucci, L. 2019. National Past and Populism: the Re-elaboration of Fascism and its Impact on Right-wing Populism in Western Europe. *West European Politics* 6(42): 1159–1187. URL: <https://doi.org/10.1080/01402382.2019.1596690>.

European Parliament Resolution of 19 September 2019 on the Importance of European Remembrance for the Future of Europe. 2019. *European Parliament* September 19. URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 20.06.2021).

Morawieck, M. 2020. Moscow's Holocaust Revisionism. *Politico* January 21. URL: <https://www.politico.eu/article/moscows-holocaust-revisionism-world-war-russia-auschwitz-nazi-germany-soviet-union/> (дата обращения: 20.06.2021).

Rawski, T. 2019. The Decline of Antifascism: The Memory Struggle over May 1945 in the Polish Parliament (1995–2015). *East European Politics and Societies, and Cultures* 4(33): 917–940. URL: <https://doi.org/10.1177/0888325419831354>.

Sejm przeciw manipulacji i zakłamywaniu historii przez polityków Federacji Rosyjskiej. 2020. *Gov.pl*. 09.01. URL: www.sejm.gov.pl/Sejm9.nsf/komunikat.xsp?documentId=4E57AC62E94B6167C12584EA0055645C (дата обращения: 20.06.2021).

Szaniawski, J. 2011. O panowanie nad Europa. *Nasz Dziennik* 22 czerwca.